

«...» изобилию почтенного сочинителя, можно бы ожидать многого для русской литературы. Да беда в том, что на немъ тяготеетъ проклятіе, которое портитъ все дѣло. Аполлонъ благословилъ г. Потапенку даромъ писать безъ всякаго утомленія дни и ночи, но затѣмъ, разсердившись на него, не отнялъ прежняго дара, а прибавилъ къ нему другой: чтобы все, къ чему на прикоснется перо г. Потапенки, моментально превращалось въ пошлость. Такимъ образомъ, какъ-бы много и широко не пользовался г. Потапенко перомъ даромъ Аполлона, все равно ничего, кромѣ пошлости, онъ написать не въ состояніи, и, слѣдовательно, русской литературѣ отъ него тепло, а холодно.

А вѣдь гг. Боборичи и Потапенко положительно первенствуютъ теперь на авансценѣ нашей литературы, какъ выражается Разплюскъ—«стоишь задавить». Это можно сказать, Гога и Магога современной «текущей» литературы. Кого же еще назвать? Талантливые писатели, гг. Короленко и Чеховъ, отъ которыхъ можно бы чего-нибудь ждать, почти ничего не дали за этотъ годъ; даже г. Яковскій, произведеніи котораго все-же представляли собою образцы «изящной словесности», ничѣмъ рѣшительно не проявилъ себя въ этотъ годъ. Остается такимъ образомъ длинный рядъ именъ различныхъ авторовъ и названій различныхъ сочиненій, или написанныхъ на всевозможныя темы, любовными и другія, длинный рядъ именъ и названій, которые промелькнули предъ глазами читателей, чтобы затѣмъ навсегда кануть въ рѣку забвѣнія. Какіе же тутъ прикажете подводить итоги?

Да притомъ развѣ только одинъ этотъ годъ не далъ ничего такого, чему бы стоило подводить итоги? А прошлый, а позапрошлый, а раньше и еще раньше?—Уже который годъ все нѣтъ какъ нѣтъ итоговъ. Помните, полѣтка назадъ Вилинскій бывало аккуратно подводилъ итоги каждому протекавшему году, и какіе это были итоги! Теперь вспомнишь, такъ завидно становится. Да и поскѣ Вилинского не проходило ни одного

года, въ теченіе котораго въ литературѣ не появилось бы чего-нибудь особеннаго, выдающагося, что бы представляло собою дѣйствительно вкладъ въ литературу, цѣнный вкладъ, способный надолго сохранить свою цѣнность. Такъ продолжалось, если хотите, вплоть до конца семидесятыхъ годовъ. Затѣмъ одинъ за другимъ вошли во сцену всѣ корифеи нашей литературы. Не стало Писемскаго, Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, Салтыкова, Островскаго, и ихъ не заменилъ никто. Въ томъ же и беда, что никто не вышелъ на сцену. Почему же это случилось?—Вѣдь вопросъ.

II.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины, и все, что имъ переживается теперь, есть, безъ сомнѣнія, плодъ нешаго же прошлаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не съ неба къ намъ свалились всѣ тѣ, которые наводняютъ теперь литературу нигкуда не годными вымыслами. Вся эта теперешняя дичь и глушь литературы есть слѣдствіе того перелома, который произошелъ въ шестидесятыхъ годахъ, этотъ своего рода Рубиконъ нашей исторіи. Прежде чѣмъ имъ перешли этотъ Рубиконъ, т. е. до шестидесятыхъ годовъ, на литературу у насъ смотрѣли чрезвычайно серьезно. Литература была живое цѣлое и, какъ всякій живой организмъ, разрабатывала свои задачи, имѣла свои ясно опредѣлившіеся цѣли, стремилась къ воплощенію твердо установившихся идеаловъ. Начавшись изъ Ломоносова, этотъ истинно гениальный самородокъ нашъ, русская литература въ продолженіе долгаго времени вынашивалась такими огромными талантами, какъ Державинъ, Карамзинъ и Жуковский, и, наконецъ, уже какъ разившійся плодъ, *factus vitale*, появилась на свѣтъ съ Пушкинскимъ. Въ немъ, въ этомъ величайшемъ писателѣ земли Русской, впервые обрѣлъ свое выраженіе нашъ національный гений. Известно, что Аполлонъ Григорьевъ, этотъ первый полный потокователь Пушкина, съ обычною своей страстностью доказывалъ, что Пушкинъ—наше все. Да это, безъ сомнѣнія, такъ и есть: Пушкинъ дѣйстви-

только представлять собою выше все, т. е. над духовную нашу фазисацию, все то существенное, важное, особенное, что отличает нас от самых других народов. Именно в Пушкине впервые сказались наши национальные силы, впервые воплотились наши национальные идеалы, словом: — из него впервые показалась русская литература. Но если мы сказали, что в Пушкине впервые обрел свое выражение наш народный гений, то необходимо прибавить, что выражение это, хотя и полное и неостороннее, не было, однако, законченным: оно, — как говорит А. Григорьев, — «делано было в очерках, без красок». Закончить свое дело не удалось гениальному писателю, так как судьба не дала ему одышаться мудрости старцев, и все, что он успел совершить, совершенно в пору юности и начала зрелости его. Отсюда уже сами собою обозначались задачи преемников великого поэта: или «предстоял очень большой, но и очень благодарный труд: или предстояло наполнить красками, развить те очаровательные рисунки, которые остались только написанными в контурах и, следовательно, понятными лишь для немногих». И преемники великому не вводили: непосредственно за Пушкиным появились Гоголь и Лермонтов.

Гоголь, до гениальности даровитый человек, по особенному настроению души своей воспользовался теми слабыми намеками, которые дал Пушкин в «Гробовщике», «Станционном смотрителе» и отчасти еще в «Дяде Степе» и «Хорохове», и отмечаясь себя эту область опыта. В своих изображениях «пошлости пошлого человека» он вскоря дошел, можно сказать, до последней грани, представив изумленной России страшные картины человеческого падения — картины, перед которыми ужаснулся сам. Но, ах, миру несмысленно детола образцы жизни всего мелкого, ложного, пошлого, худшину всего строже отнесся к самому себе и сам первый пел жернов собственного суда, в безвонной казни. Другая часть пушкинского наследия, кото-

рая также только контурами была заложена в таких его произведениях, как «Восток» или «Египетская ночь» и некоторые отдельные стихотворения, эти тревожные ноты неопределенной грусти, меланхолии, безотрадной тоски, словом, всего того, что сам Пушкин окрестил в Байронизме — эта часть пришла по душе Лермонтову, хотя он был «не Байрон», но другой, еще неизвестный избранный. Но и тот, по выражению Гоголя, «будущий великий живописец русского быта» охотнее был неутомимой охотой в самом развитии своего творчества.

Влия еще сторона из творчеств Пушкина, которую он много занимался и обирали еще долго заниматься — именно та программа, те заветы поэты, которые заключаются в известной строфе из «Онегина»:

Но просто нам, персскому
Преданья русского семейства,
Любим алмазным сам
Да правы вапел старин;
Персскому простыя рѣчи...

И т. д. — если мы, все то, что он сам успел отчасти выполнить в «Капитанской дочке» и что неополнить, можно сказать, слово в слово С. Т. Аксаков в своей «Семейной хронике». Наконец, еще уголок пушкинской поэмы, его антологическая вещь, которая он довел до частоты античных мастеров, также представлял богатейший материал для последующих поэтов. О том, какое огромное влияние великий наш поэт оказал на поколение, ему современное, могут дать понятие следующие строки Гоголя. «Вот, — говорит он, — соблазна эта необыкновенная художественная обработка стихотворных созданий, которую показал Пушкин. Повабился общество, и всякие современные связи с ним человека, и всякие требования земли своей, все ждал в какой-то поэтической Элиаде, повторяя стихи Пушкина:

Не для житейского позавеса,
Не для корысти, не для биты —
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитвы».

Поддавшееся заветам поколения сиего хранит заветы прошлого, амеко ценило учителей своих и, по миру снел,

поддерживало огонь на алтаре. Незаконченное Гоголем нашло себе усердных продолжателей в лицах таких художников, как Островский, Достоевский и в известной мере Салтыков; работа, начатая С. Аксаковым, продолжалась Тургеневым, Говардом, Толстым; наконец, огонь пушкинской поэмы зажег такие яркие звезды, как Майков, Фет, Полонский.

Таким образом жила, развивалась, росла русская литература, представляла величайшее по красоте, обаянию и выразительности образцы национальной поэмы, которую мы могли гордиться, в которой мы могли смело идти наряду с величайшей критикой. И вдруг все изменилось, стало неузнаваемым. Право, похоже на то, как будто огромная река, катавшая в крутых берегах по камням свои воды, вдруг встретилась на пути непреодолимую преграду и, вместо того, чтобы продолжать прежнее течение, разлилась по необозримой равнине: хрустально-чистая вода разлилась на тучи мелких ручейков, которые, все ближе и ближе удаляясь от прекрасного источника своего, образовали почтительную лужу, застоявшуюся и отравляющую окрестность своим.

Этой роковой преградой на пути развития русской литературы и явились шестидесяти годы, т. е. то охватившее главнейших литературных деятелей тогдашнего времени стремление совершенно порвать с прошлым и создать нечто новое, по невиданным образцам. Создать-то они ничего не сумели, да и невозможно что-нибудь создать без твердой почвы, зато успели надолго задержать правальный, нормальный ход литературы. И вот нынешнее поколение литераторов — то самое, которое теперь господствует, и представляет собою поколение, выросшее и воспитанное на идеалах шестидесяти годов. Больше чина кто бы то ни было, нынешние писатели могут сказать о себе в горечи:

Суждени намъ бланіе нормамъ,
Нѣ свершить натега не дамо.

М. Юмий.